

И. М. Михайлова,
А. А. Пурин

ГЛАВА 17

ХЕРМАН ГОРТЕР HERMAN GORTER

(1864–1927)

Херман Гортер знаменит в первую очередь как автор поэмы «Май» («Mei», 1889), считающейся высшим достижением поэтов «восьмидесятников». Первая строка этой поэмы — «Een pieuw lepte en een pieuw geluid» («Новая весна и новое звучанье») — относится к числу самых известных во всей нидерландской литературе.

Отец Хермана, пастор-меннонит и писатель Симон Гортер, умер, когда будущему поэту было шесть лет. Мать растила детей одна; она содержала пансион, приносящий скромный доход.

После окончания классического отделения Амстердамского университета Херман Гортер проработал несколько лет в школе, где преподавал латынь и греческий, но потом перестал учительствовать и целиком посвятил себя литературе.

Первая песнь поэмы «Май» была опубликована в журнале «восьмидесятников» «De Nieuwe Gids» в том же году, когда Гортер защитил университетский диплом. Для двадцатипятилетнего поэта, недавно обручившегося со своей будущей женой-аристократкой Вис Коопманс, это было радостное время, вдохновлявшее его на создание лучезарных стихов. Из литературных источников, оказавших на него воздействие в пору работы над поэмой, сам Гортер называл Джона Китса с его благоговейным отношением к природе и красоте, а также со свойственным ему эллинизмом, особенно близким студенту-классику.

Поэма «Май» состоит из трех песен. В первой, наиболее известной, рассказывается о том, как живущий в приморском городке юный поэт («я» поэмы) встречает на морском берегу прелестную девочку Май, дочь солнца и луны: она приплыла в лодочке, появив-

шейся из светлого облака над водой. Май — олицетворение юности и земной красоты; поэт наслаждается звуками и картинами весны, весь день гуляя с Май по морю, по дюнам, по полям и лесам, общаясь с местными жителями: как с реалистически изображенными голландскими крестьянами, так и с фантастическими существами — эльфами, гномами, ведьмами и, наконец, двенадцатью всадниками — двенадцатью ночными часами. Это — самая беззаботная и светлая песня поэмы, буквально пронизанная солнечными лучами и овеянная морским ветром, написанная поразительно простым языком, в разговорной тональности.

Последующие песни отягощены философией: Гортер пытается ответить на вопрос о соотношении земной красоты, духа и вечности. Для этого он вводит в поэму Бальдера, бога германоскандинавской мифологии, который у Гортера олицетворяет возвышенную духовность и бессмертие, он слеп и восприимчив только к музыке души. Случайно встретив его на земле и услышав его пение, Май настолько поражена, что ни о чем другом не может думать. Она расстается с поэтом, чтобы отправиться на поиски Бальдера, и после долгих странствий находит его в заоблачном мире германских богов. Май мечтает о соединении с Бальдером, но он ее отвергает. Чистый дух не хочет и не может привязаться к смертной земной красоте (не случайно он слеп), всякая чувственность ему чужда. В последней — третьей — песне поэт снова встречает Май, которая возвратилась на землю, убитая горем, бледная как лилия и в слезах. Они всю ночь молча сидят на берегу реки. Утром Май рассказывает о том, что с ней произошло и как ее отослал назад на землю Бальдер, после чего поэт задумывается о своем отношении к чистой музыке души и приходит к выводу, что человек не может обойтись без чувственного мироощущения:

En bij het komen van den gooden morgen,
Toen van het water, uit het loof, de zorgen

Херман Гортер.
Рисунок Р. ван Бладерен
Хогендейка (1924)

Heenvloden en het zonnlicht kwam huizen
 Met vogels in de takken en het bruischen
 Van golven vroolijk werd, toen zei ze mij
 Wat ik al wist, en zei ook tij aan tij
 De Balderswoorden, godd'lijk, wonderbaar.
 Ik werd een tijd zeer stil en dacht veel, maar
 Begreep het niet, want mijne ziel kon niet
 Denken wat ze zou zijn, wanneer ze niet
 Behoefte had aan ooge' en ooge' en wensch
 Naar anders en naar meer: dat kan geen mensch.

И с приходом красного утра,
 когда от воды, из листвы улетучились заботы
 и солнечный свет поселился
 среди веток с птицами и шум
 волн повеселел, тогда она мне сказала
 то, что я уже знал, и строфа за строфой повторила мне
 слова Балдера, божественные, неисповедимые.
 Я смолк на время и глубоко задумался, но
 не понимал этого, потому что моя душа не могла
 размышлять о том, какой она была бы, если бы не
 нуждалась в ушах и глазах и в желаниии
 другого и большего: человек на такое не способен.

Затем Май вместе с поэтом идут в город, в дом поэта. Из окна они видят, как мимо проходит юная красавица: это сестра Май — Июнь. Сестры приветствуют друг друга. Жизнь постепенно покидает Май; она еще гуляет с поэтом по городу и по взморью, но в самом конце третьей песни умирает у него на руках, и он хоронит ее в морском песке.

Поэма «Май» — самое известное произведение Гортера, однако наибольшее влияние на нидерландскую поэзию оказал его сборник 1890 г. «Стихи» (“Verzen”), к которому обращаются все последующие поколения нидерландских поэтов-эксперименталистов, от Леополда до Лючебера. В этот сборник вошли так называемые «сенситивистские» стихи Гортера. Понятие *sensitivisme* Гортер заимствует из литературно-теоретических статей Лодевейка ван Дейссела, выстраивавшего триаду: *Observatie* — *Sensatie* — *Extase* (наблюдение — воодушевление — экстаз). (Отметим, что на рубеже веков понятие «экстаз» занимало особое место, достаточно вспомнить роман Л. Куперуса «Экстаз» (1892) и «Поэму экстаза» русского ком-

позитора А. Скрыбина (1907.) Сенситивизм — это следующий шаг по отношению к импрессионизму: если импрессионизм изображает наблюдаемый художником внешний мир, окрашенный восприятием художника, то в сенситивизме фокус перемещается еще более в сторону внутреннего переживания художника, к непосредственному изображению предэкстатического состояния, возникшего под воздействием внешнего мира. Вот как это объясняет нидерландский писатель и литературовед Кейс Верхейл: «Сознание любого человека, не обязательно литератора, часто бывает заполнено ощущениями, которые частично навеяны внешним миром, частично рождаются из его собственных настроений. Когда мы облекаем эти ощущения в слова, существующие в системе языка и обозначающие известные всем понятия, мы превращаем ощущения в мысли. Однако Гортер, как и многие другие современные поэты и прозаики, видит здесь подлог. В своих стихах он пытался передать состояния сознания в тот момент, когда оно еще не расчленено логикой. Язык Гортера принципиально антирационален и не проводит различия между чувством, идущим изнутри, и впечатлением извне».

В сборнике «Стихи» 1890 г. встречается множество оксюморон (вроде *droog water* — сухая вода) и неологизмов — составных слов, запечатлевающих разом целые комплексы ощущений поэта, не раздробляемые на составляющие (например, *goudzongloedend miststroigoud* — «злато-солнечно-раскаленное туманно-сыпучее золото»). Сборник был новаторским не только в плане словотворчества, но и с точки зрения стихотворной техники, так как Гортер считал, что звучание и ритм слов способны передавать необыкновенность переживания еще лучше, чем сами слова. Стихи сборника музыкальны каждый на свой лад: здесь есть и певучие стихи с урегулированными строфами, и такие, где рифма и ритм непредсказуемы, а также первые в нидерландской поэзии верлибры. В своем синэстетическом восприятии мира, в увлечении нерасчлененными цветовыми и звуковыми образами Гортер порой прибегает и к чистой звукописи.

Рассмотрим две начальные и последнюю строфы одного из самых известных стихотворений этого сборника:

Toen bliezen de poortwachters op gouden horens,
 buiten daar spartelde het licht op 't ijs,
 toen fonkelden de hooge boomtorens,
 blinkende sloeg de Oostewind de zeis.

Uw voeten schoorten omhoog het witte sneeuwswel,
uw oogten brandden de blauwe hemellucht,
uw haren waren een goudgespannen weefsel,
uw zwierende handen een roóvogelvlucht.

<...>

De wereld was een blauwe en witte zale,
daar stond een sneeuwbed tintelsneeuw middé in,
uw goudhoofd naar zwaanveeren ging te dalen —
lachende laagt ge, over het veld, handblanke,
blanktande, trantele koningin.

Тогда трубили стражники в золотые рога,
снаружи свет барахтался на льду,
тогда искрились высокие древобашины,
сверкая, взмахивал восточный ветер косой.

Ваши ноги поднимали белую снежность,
ваши глаза сжигали синий небесный воздух,
ваши волосы были златотянутой тканью,
ваши порхающие руки — алоптицеполетом.

<...>

Мир был синим и белым залом,
посередине стояло снегомерцанье снежнокровати (снежоклумбы),
ваша златоглава начала склоняться к лебяжьим перьям, —
смеясь, вы лежали на поле, рукобелая, белозубая,
иривая королева.

Это стихотворение, как и большинство в сборнике 1890 г., создает в первую очередь яркую картину природы: зимний пейзаж. Перечислим зрительные образы, которые проходят перед нами в первых двух строфах: золото (солнце), свет, лед, сверкающие верхушки деревьев, резкий ветер (с металлическим блеском), белый снег, синее небо, золото на волосах (солнце), красные мелькающие в воздухе руки. В заключительной строфе: синее с белым пространство, сугроб искрящегося снега посередине, золото в волосах, лебяжьи перья (пух), белизна рук и зубов при смехе. Сквозь все эти образы проступает событийная основа стихотворения: адресат стихотворения, «прекрасная дама», катается в солнечную, ветреную погоду на коньках, размахивая руками (то ли покрасневшими от ветра, то ли в красных перчатках), потом

теряет равновесие и со смехом падает в сугроб в середине катка. Падение подготовлено уже в первой строфе глаголом *spartelen* (барахтаться), хотя там это действие и приписано свету, а не человеку. Изображенное в стихотворении реальное событие по воле поэта приобретает космическую значительность: образ стражей, трубящих в золотые рога, уносит нас в Средневековье, а частые упоминания о высоте, небесной сини, золотом свете и переосмысление (в последней строфе) этих природных элементов как синего потолка и белого пола зала в средневековом замке составляют игру с пространством. Метафора «лебединые перья», относящаяся к снегу, но одновременно служащая напоминанием о подушке или перине, вместе с многозначностью слова *bed* в неологизме *sneeuwbed* (и «клумба», т. е. «сугроб», и «постель») позволяют создать изящный, прозрачный эротический образ, который несомненно и составляет кульминацию всего стихотворения. В целом стихотворение необыкновенно красиво, ярко, звучно, воздушно.

С точки зрения языка в первую очередь бросаются в глаза сложные носоставные неологизмы, количество которых, как всегда у Гортена, постепенно нарастает и достигает максимума в последней строфе (см. Задание П.3). Здесь их употреблено экстремально много, причем особенно непривычно для голландского глаза выглядят слова *handblanke* (рукобелая) и *blanktande* (белозубая). Экстремальность заключительного стиха подчеркнута и его необыкновенной длиной: 21 слог вместо 10–11. Использование неологизмов в сочетании с разительным нарушением размера создает сильнейший эффект: поэту как будто недостает слов существующего языка, чтобы передать необыкновенное, пронзительное ощущение восторга от наблюдаемой картины, он как будто оттягивает мощный заключительный аккорд — слово *koningin* (королева).

На *синтаксическом* уровне стихотворение примечательно тем, что каждая строка представляет собой законченное предложение, конец которого совпадает с концом строки. Такой синтаксис придает тексту динамичность, что согласуется с содержанием: изображением катания на коньках. Особенно забавна — и характерна для сборника 1890 г. — вторая строфа, где называются разные части тела героини (ноги, глаза, руки, волосы), словно живущие отдельно от человека, что усиливает эффект отстраненности. Эндрю Эндрю, крупнейший нидерландский специалист по творчеству Гортена, говорит о звукоизобразительности этого стихотворения,

усматривая в каждой строке сходство со звуком рога: более интенсивное звучание в начале строки и затихание к концу.

Современников Гортера сборник «Стихи» одновременно шокировал и рассмешил. Литературный рецензент газеты “*Algemeen Dagblad*” («Всеобщая ежедневная газета») назвал эти тексты «радикальной бессмыслицей», читатели предлагали напечатать самое «нелепое», с их точки зрения, стихотворение задом наперед, чтобы убедиться, что смысла от этого не убавится. Да и впоследствии многие нидерландские литературоведы долгое время называли эти стихи «нечленораздельным бормотанием», доведшим поэта до полубезумного состояния. Однако сегодня эти стихи стали несомненной классикой и очаровывают все новых и новых читателей: одних — изящной старомодностью атмосферы *Fin de siècle*, других — разнообразием и экспериментальностью формы, и всех — яркостью и интенсивностью переживания.

После сборника 1890 г. Гортер действительно пережил кризис, но нашел из него выход, бросившись из одной крайности в другую. Зайдя в тупик на пути индивидуализма, филолог-классик переведит с латыни на нидерландский «Этику» Спинозы (1895). Вскоре он знакомится с модным среди интеллигенции того времени учением Карла Маркса и увлекается политической деятельностью. Вместе со своей единомышленницей поэтессой Хенриеттой Роланд Холст ван дер Схалк он стоял у истоков социалистической, а потом и коммунистической партии Нидерландов. Он несколько раз встречался с Лениным, его брошюра об историческом материализме была переведена на русский, после Октябрьской революции Гортер тайно приехал в Москву на съезд Коминтерна, а в 1921 г. вышел из нидерландской коммунистической партии, которая казалась ему недостаточно радикальной и слишком склонной к оппортунизму. Впрочем, другие нидерландские политики левого толка далеко не всегда одобряли его деятельность. По поводу очередной пламенной речи Гортера нидерландский социал-демократ Ян Схапер однажды сказал ему: «Херман, иди-ка ты лучше домой и сочини там “Июнь”, “Июль”, “Август” и “Сентябрь”».

Бурная политическая жизнь, выступления перед рабочими, работа в коммунистической прессе и т. п. сочетались у Гортера с «буржуазным» образом жизни: он всегда изящно и дорого одевался, занимался спортом (крикет, теннис, яхты) и страдал частыми депрессиями, вызванными, возможно, его запутанной личной жиз-

нью (кроме жены, умершей в 1917 г., у него были одновременно еще две близкие подруги).

До конца своих дней Гортер продолжал писать стихи, печатаясь все меньшими и меньшими тиражами. Его наиболее значительные произведения, написанные после его обращения к социализму, — это сборники «Школа поэзии» (“*De school der poëzie*”, 1897) и «Стихи» (“*Verzen*”, 1903), а также поэма «Пан» (“*Pan*”, 1912), задуманная как своеобразное продолжение «Май». В новой поэме главные действующие лица — Золотая Дева (*Het Gouden Meisje*), провозвестница Музыки будущего, т. е. социализма, и бог Пан. Золотая Дева пришла на землю для того, чтобы избавить ее от тьмы и освободить рабочий класс, и теперь уже бог Пан — дух природы и музыки — мечтает соединиться с ней. Что и происходит в конце поэмы: Гортер был убежден, что между освобожденным от рабства человечеством и Природой не останется никаких противоречий. В этой поэме также присутствует поэт, выступающий в роли рассказчика и комментирующий события. По этому произведению становится окончательно ясно, насколько абстрактным и умозрительным был гортеровский коммунизм.

В связи с событиями Первой мировой войны Гортер создает новую редакцию «Пана» (1916), в которой усиливает политический элемент: социал-демократические партии изменяют идеалам социализма, поддерживая свои правительства в империалистической войне. В этой редакции поэмы политика уже затмевает поэзию.

В сентябре 1927 г., возвращаясь из Швейцарии, Гортер умер в Брюсселе от сердечного приступа в возрасте 62 лет.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ (I):

1. Какие черты поэзии Гортера роднят его с другими «восьмидесятниками»?
2. Какие вопросы пытается он решить в поэме «Май»?
3. Найдите в интернете картины Г. Х. Брайтнера, Исаака Израэlsa и Вилема Витсена (*G. H. Breitner, Isaacs Israëls, Willem Witsen*) — художников из круга «восьмидесятников». Что роднит их с творчеством Гортера?
4. Для каких русских поэтов, живших приблизительно одновременно с Гортером, характерны сложносоставные неологизмы? Приведите примеры.
5. За счет чего возникает музыкальность процитированного стихотворения Гортера? Найдите в приведенных строках внутренние рифмы, аллитерации и ассонансы.

ТЕКСТЫ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

* * *

De avond aámt nu haar goudgroene licht,
 waar is uw gezicht, waar is uw gezicht?
 op aarde staat een altaar opgericht,
 groenege takken branden rook en licht,
 waar is uw gezicht, waar is uw gezicht?

De avond ademt om goudgroene boomen,
 zult ge nu komen, zult ge nu komen,
 het kopren mos brandt, aan hun groene toomen
 en trenzen schudden al de waterstroomen,
 zult ge nu niet komen, zult ge nu niet komen?

Groene ruiters gaan in draf,
 rappe hoefklinkers hoogten af,
 avondhoogten. —

Groene jachtstoeten rijden op
 zwaarbestamden heuveltop
 in de hoogte.

Ze blazen daar hoog hun kopren klaroenen,
 groene vaandels dragen baroenen,
 staan allemaal in avondlicht,
 blazen orkest naar het West gericht —
 de wereld lavend
 gaan zon en avond
 dood, o dood — waar is uw gezicht? —

het wordt zoo donker onder de boomen,
 zult ge nu komen, zult ge nu komen,
 waar is uw gezicht?

De ruiters zijn naar huis ge komen
 elk naar zijn slot in de oude boomen,
 de nacht heeft hen in hun sloten gedekt,
 de avond had haar niet gewekt.

* * *

Вечерний луч листву пронзил на миг,
 где ты прячешь лик, где ты прячешь лик?
 Вдали алтарь безжалостный возник,
 в златых ветвях горит зеленый блик,
 где ты прячешь лик, где ты прячешь лик?

Стволы одеты в золотой атлас,
 Придешь ли сейчас, придешь ли сейчас?
 Мох на поводьях — словно хризопраз,
 и слышится ручьев немолчный глас —
 не придешь ли сейчас, не придешь ли сейчас?

Зеленые всадники спешат,
 топот копыт и злато лат,
 блещет злато.

Мчит охота в объятья тьмы
 на высокие холмы,
 в даль заката.

Там зеленые стяги несут бароны,
 горны трубят и вторят склоны,
 и мощный, воинственный клик
 к престолу на запад летит напрямик, —
 земля заката
 прохладой объята, —
 смерть, о смерть, где ты прячешь лик?

Зеленый свет среди стволов уга,
 придешь ли сейчас, придешь ли сейчас,
 где ты прячешь лик?

Зеленые рыцари в чашах
 входят в замки деревьев спящих, —
 ночь взяла их, и мрак сокрыл,
 и вечер не пробудил.

(Пер. Е. Витковского)

Начало поэмы

МЕЙ / МАЙ (1889)

Een nieuwe lente en een nieuw geluid;	Весна — и новых звуков перелив;
Ik wil dat dit lied klinkt als het gefluit,	Пусть песнь моя звенит, как тот мотив,
Dat ik vaak hoorde voor een zomernacht	Что слышался мне часто за окном
In een oud stadje, langs de watergracht —	Ночным в старинном городке одном;
In huis was 't donker, maar de stille straat	Был темен дом, но замерший канал
Vergaarde schemer, aan de lucht blonk laat	Еще небес свеченье отражал:
Nog licht, er viel een gouden blanke schijn	Последний отблеск светло-золотой
Over de gevels in mijn raamkozijn.	Сиял, не поглощенный чернотой.
Dan bles een jongen als een orgelpijp,	И мальчик в дудку тонкую светло
De klanken schudden in de lucht zoo rijp	Дул — и звучанье спело и цвело,

Als jonge kersen, wen een lentewind
 In 't boschje orgaat en zijn reis begint.
 Hij dwaald' over de bruggen, op den wal
 Van 't water, langzaam gaande, overal
 Als 'n jonge vogel fluitend, onbewust
 Van eigen blijheid om de avondrust.
 En menig moe man, die zijn avondmaal
 Nam, luisterde, als naar een oud verhaal,
 Glimlachend, en een hand die 't venster sloot,
 Talmde een rooze wijf de jongen floot.

(Пер. И. Михайловой и А. Пурина)

Из сборника *Verzen / Стихи* (1890)

Zie je ik hou van je,
 ik vin je zoo lief en zoo licht —
 je oogen zijn zoo vol licht,
 ik hou van je, ik hou van je.

En je neus en je mond en je haar
 en je oogen en je hals waar
 je kraagje zit en je oor
 met je haar er voor.

Zie je ik wou graag zijn
 jou, maar het kan niet zijn,
 het licht is om je, je bent
 nu toch wat je eenmaal bent.

O ja, ik hou van je,
 ik hou zoo vrees'lijk van je,
 ik wou het helemaal zeggen —
 Maar ik kan het toch niet zeggen.

Toen bleezen de poortwachters op gouden horens,
 buiten daar spartelde het licht op 't ijs,
 toen fonkelden de hooge boomtorens,
 blinkende sloeg de Oostewind de zeis.

Uw voeten schopten omhoog het witte sneeuwsel,
 uw oogen brandden de blauwe hemellucht,
 uw haren waren een goudgespannen weefsel,
 uw zwierende handen een roofoogelvlucht.

De oogen in u die fonkenden jong-goude,
 het bloed in u vloog wentel-roowiekend om,
 de oogen der lucht die antwoordden zo o goude,
 boven dreven ijsschuimwolken om.

Ijskoud was het — lagen de waters bezijen
 klinkklaar van ijs niet, spiegelend onder zon,
 schreeuwde het heete licht niet bij 't overglijen,
 omdat het snelvoetig de kou niet lijden kon.

De bolle blauwwangige lucht blies in zijn gouden
 horenen omgespannen met zijn vuist —
 de lucht kon 't wijd weerklinken niet meer houden,
 berste en brak en blauwe sneeuw vloog vergruisd.

De wereld was een blauwe en witte zale,
 daar stond een sneeuwbed tintelsneeuw midde' in,
 uw goudhoofd naar zwaanveeren ging te dalen —
 lachende laagt ge, over het veld, handblanke,
 blanktande, trantele koningin.

Tam стражи трубили в рога золотые,
 И свет кувырчался на льду и сверкал.
 Деревья искрились, как башни литые,
 И ветер восточный косу отбивал.

От стоп ваших вьюжно взвивались метели.
 Лазурь прожигалась пыланьем зениц.
 И кудри парчой златогканой летели,
 А руки — алеющей стаєю птиц.

Глаза ваши жарко и юно сияли.
 И кровь по сосудам бежала огнем;
 На небе светила златые стояли —
 И пенные тучи ходили на нем.

А холод пронзал, и под коркой хрустальной
 Вода замерзала и стыли лучи;
 И солнечный отсвет по глади зеркальной
 От стужи не мог убежать, хоть кричи.

Борей, раздувая пунцовые щетки,
Трубил в золотые рога, их в руках
Сжимая; и столь были звуки глубоки,
Что лопнуло небо, рассыпавшись в прах.

И в мире, как в бело-лазоревой зале,
На снежность перины упали вы ниц —
И там злагоглаво на пухе лежали, —
На пухе лебяжьем, блаженно
лежали, смеясь белозубо, царица царяц.

(Пер. И. Михайловой
и А. Пурина)

На нидерландском языке:

Из сборника
Verzen / Стихи (1890)

De lucht was geel als geele chrysanthemem —
weien goudgroen in fonklende atmosfeeren
van misten — goudgesmolten horizonnen —
door goudzongloedend miststrooigoud verduisterd.

Een gouden licht ter wereld gouden twijfel,
overal, overal, koninklijk twijfel,
twijfelend goud, gouden vertwijfeling.

Troonden onz' harten in het gouden duister,
in 't goud onz' oogem als kristallen kronen.

Из сборника
De school der poëzie / Школа поэзии (1897)

De arbeidersklasse danst een groote reidans
aan de oseaan der wereld, zooals kindren
die men 's avonds op strandmuur bij de zee,
bij het geel der lantarens en 't licht
der zon, ziet huppelen op muziek. Hun lichte
dunne gestaltetjes dragen al dansend
hoop en gedachten gaand op de oseaan,
gaand in den hemel, gaand diep in de aarde —

zoo danst de arbeidersklasse aan de zee.
Hoop en verwachting stroomt hun van de zee,
hoop en verwachting straalt van uit de lucht,
hoop en verwachting rijst van uit de aard.
Hoe klinkt nu alles helder, 't aard-metaal
klinkt, en de lucht is sonoor, 't handgeklap
van mannen en vrouwen volgt op breedten zwaai
van armen door de zachte helle lucht.
Jongens en meisjes stuiven om hen heen.
Deze zullen 't belevem dat de lichte
lichamen der menschen overal dansen
in vrijheid.
De arbeidersklasse danst een groote reidans
aan de oseaan.

Песня Пана из поэмы
PAN / ПАН (1912)

Diep in de nacht
Hoor ik een dans,
Het is des arbeiders dans.
Ver in den nacht
Hoor ik muziek,
Het is der schoonheid muziek.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ (II):

1. Переведите дословно нидерландские стихи. Что вызывает наибольшие трудности при переводе? Часто ли приходится смотреть в словарь?
2. На какие группы и по какому признаку можно разделить эти стихи?
3. Какие образы повторяются в стихах Гортера?
4. Какие метафоры использует Гортер? Насколько они понятны?
5. Какие черты оригинала удалось передать в переводах? Во всем ли вы согласны с переводчиками?